

Владимир (Богоявленский), митр. Московский и Коломенский.
Слово высокопреосвященнейшего Владимира, митрополита
Московского и Коломенского, сказанное на хиротонии Евдокима
[Мещерского], епископа Волоколамского // Богословский вестник
1904. Т. 1. № 3. С. 409–413 (2-я пагин.).

Слово Высокопреосвященнаго Владимира, Митрополита Московскаго и Коломенскаго, сказанное на хиротоніи Евдокима, епископа Волоколамскаго.

Преосвященный Епископъ
Евдокимъ.

Сердечно привѣтствую тебя съ принятіемъ высокаго епископскаго сана. Изъ выслушанной на дняхъ, воодушевленной рѣчи твоей извѣстно миѣ, съ какимъ глубоко христіанскимъ настроеніемъ принимаешь ты это служеніе и какъ пламенно желаешь совершить его съ возможно большею пользою и успѣхомъ. Отъ всей души желаю этого успѣха и я, ближайшій твой сослужитель. Но при мысли объ успѣхѣ пастырскаго дѣла естественно возникаетъ вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ возможенъ онъ и чего главнымъ образомъ требуетъ Христосъ отъ пастырей словеснаго своего стада?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы можемъ найти у св. Іоанна въ томъ мѣстѣ, гдѣ идетъ рѣчь о призваніи къ высшему пастырскому служенію апостола Петра. Это было во время третьяго явленія Воскресшаго Господа ученикамъ при морѣ Тиверіадскомъ, о чемъ говорилось въ нынѣшнемъ утреннемъ евангеліи. Когда, послѣ чудеснаго лова рыбы, ученики Его возлегли за трапезу, Господь обратился къ Петру съ такимъ вопросомъ: Симоне Іонинъ, любиши ли Мя паче сихъ?

Петръ-говоритъ Ему: да, Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисусъ говоритъ ему: паси агнцевъ моихъ. Еще говоритъ ему въ другой разъ: Симонъ Ионинъ! Любишь ли ты Меня? (Петръ говоритъ Ему: такъ, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисусъ говоритъ ему: паси овецъ Моихъ. Иисусъ говоритъ ему въ третій разъ: Симонъ Ионинъ! Любишь ли ты Меня? *„Оскорбе же Петръ, яко рече ему третіе: любиши ли Мя; и глагола ему: Господи, Ты вся вѣси; ты вѣси, яко люблю Тя. Глагола ему Иисусъ: паси овцы моя“.*

Какъ видимъ, здѣсь апостоль Петръ призывается къ пастырству не просто; а подъ тѣмъ необходимымъ условіемъ, если его совѣсть, его чувство говоритъ ему, что онъ любитъ Христа. Вотъ чтò, слѣдовательно, служить пробнымъ камнемъ пастырской правоспособности и главнымъ ручательствомъ за успѣхъ пастырской дѣятельности—это любовь ко Христу и Его словесному стаду.

Возлюбленный о Господѣ братъ и сослужитель! Въ настоящую, единственную, какъ самъ ты сказалъ, минуту въ твоей жизни, когда ты во всеоружіи выступаешь на поприще архіерейскаго служенія, потщимся повнимательнѣе прислушаться къ движеніямъ своего сердца, испытать свою совѣсть и спросить себя: любимъ ли мы Господа? Да проститъ мнѣ любовь твоя за то, что я ставлю вопросъ этотъ послѣ того, какъ ты торжественно повѣдалъ уже намъ о своей любви и преданности Богу при твоёмъ нареченіи. Вопросъ этотъ такого рода, что каждый изъ насъ—пастырей долженъ не разъ и не два, а много разъ задавать его себѣ, задавать до тѣхъ поръ, пока мысль о прежней невѣрности не исторгнетъ изъ глазъ слезы, и изъ сердца не послѣдуетъ отвѣтъ Петра: „ей, Господи, Ты вся вѣси, Ты вѣси, яко люблю Тя“. Въ

самомъ дѣлѣ, любимъ ли мы Господа, а въ лицѣ Его и нашихъ ближнихъ? Находить ли себѣ мѣсто въ нашемъ сердцѣ та любовь, которой требуетъ отъ насъ Христось, любовь не къ тѣмъ только, которые соединены съ нами узами родства, дружбы и знакомства, но и къ тѣмъ, которые чужды намъ по плотскому происхожденію, и однако близко связаны съ нами благодатію, любовь, которая съ участіемъ и состраданіемъ относится къ горю и нуждѣ меньшаго брата, не оставляетъ безъ попеченія и отъявленнаго грѣшника, идетъ на встрѣчу заблудившемуся, словомъ та любовь, которая, по слову Апостола, *не превозносится, не ищетъ своихъ си* и примѣръ которой показалъ Самъ Небесный Пастыреначальникъ—Христось. Онъ—этотъ по истинѣ добрый Пастырь—не только во время своей жизни ходилъ по городамъ и весямъ, *исцѣляя всякій* (и тѣлесный, и нравственный) *недугъ и всякую язю въ людехъ*, но и до сихъ поръ не перестаетъ, въ своей спасающей любви ходить по грѣшному міру и тамъ, гдѣ находитъ душу, растлѣвающуюся въ своей нравственной жизни, милосердствуетъ о ней, ухаживаетъ за нею, облегчаетъ тяжесть грѣховъ ея общаніемъ прощенія и до тѣхъ поръ не оставляетъ ее, пока она не выздоровѣетъ для вѣчной жизни. Есть ли у насъ такая любовь? О, если бы нашлась хотя самая незначительная доля ея, то и тогда мы не напрасно назывались бы владыками и врачами дѣлъ человѣческихъ. И тогда въ нашихъ рукахъ было бы вѣрное средство для врачеванія и самыхъ тяжкихъ нравственныхъ болѣзней. Въ самомъ дѣлѣ, если и изъ глыбы дикаго, необработаннаго камня умѣлыя руки высѣкаютъ прекрасныя чуть не живыя статуи, то почему же изъ человѣка, хотя бы жестокаго и одичалаго, умѣлыми руками любви нельзя

воспитать добраго христіанина, мягкаго и отзывчиваго на добро и правду человѣка? Люди, какъ бы они плохи и грубы ни были, все же не камни. Душа человѣческая, сказалъ Тертуллианъ, *по природѣ христіанка*, и трудно представить себѣ такое извращенное, окаменѣлое сердце, въ которомъ не оставалось бы доли добра и благородства и которое совсѣмъ было бы недоступно для дѣйствія огня христіанской любви. Здѣсь невольно припоминается мнѣ одно сравненіе, которое хорошо поясняетъ только что высказанную мысль. На улицѣ—сильный морозъ. Въ градусникѣ, за окномъ, трубочка пуста. Вся ртуть отъ холода сжалась, ея не видать. Но стоитъ только подойти къ шарикѣ, дохнуть на него, или взять его въ теплыя руки и наша теплота сейчасъ же отзовется на ртуть. Ртуть выйдетъ изъ шарика и станетъ подыматься вверхъ. Тоже самое бываетъ и съ людьми. Очень много холода у насъ въ отношеніяхъ другъ къ другу. Удивительно ли, если среди этой нравственной стужи иной одинокій, безпріютный обдѣнякъ совсѣмъ окоченѣетъ, олютѣетъ въ душѣ, сдѣлается звѣремъ. Все, что есть у него благороднаго, добраго, истинно человѣческаго, спрячется глубоко внутрь и тамъ сожмется въ комокъ. Но подойди къ нему съ любовью, попробуй дохнуть сочувствіемъ и лаской, пригрѣть его у своего сердца, окружить его отеческою заботою и попеченіемъ, и ты сейчасъ увидишь, какъ онъ начнетъ таять, какъ и въ немъ самомъ любовь, какъ ртуть въ термометрѣ, пойдетъ вверхъ и представитъ для духовнаго сѣятеля такую воспріимчивую почву, на которой онъ съ полнымъ успѣхомъ будетъ сѣять всякое доброе сѣмя.

Итакъ, возлюбленный собратъ, чтобы наше епископское дѣло было благотворно, для этого намъ надо

найти ключъ къ человѣческому сердцу, а такимъ ключемъ служить собственная наша любовь къ чело-вѣку и къ правдѣ Божіей. Огонь зажигается отъ огня, и чтобы согрѣть сердце другихъ, намъ самимъ нужно имѣть въ себѣ искру пламенной, христіанской любви къ людямъ. Чтобы пробудить чистую евангельскую любовь въ другихъ, надобно самимъ прежде всего проникнуться евангельскою истиной, перечувствовать ее, выносить ее въ себѣ. Тогда только можно рассчитывать на успѣхъ, надѣяться, что проповѣдь наша не будетъ, по слову Апостола, металломъ звенящимъ или кимваломъ бряцающимъ, но тѣмъ властнѣе будетъ дѣйствовать на слушателей, чѣмъ сильнѣе будемъ проникнуты духомъ евангелія.

Итакъ, прими, братъ, жезлъ сей, вручаемый тебѣ чрезъ меня Самимъ Господомъ, и твердо помни, что онъ дается тебѣ отъ любви и для любви.—Больше, какъ можно больше старайся приобрѣтать этой любви, и тогда тебѣ не будетъ нужды въ указаніяхъ, какъ и по какому направленію вести свою бразду на па-стырскомъ поприщѣ. Любовь сама увидитъ, сама подскажетъ, когда, гдѣ и что нужно дѣлать и какъ поступать.
